

МОНИТОРИНГ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ДЕЙСТВИЙ в ИНТЕРЕСАХ ДЕТЕЙ на 2012-2017 годы

Н.Хананашвили

I. ВВЕДЕНИЕ

В России принята Национальная Стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы. Стратегия утверждена Указом Президента Российской Федерации от 01.06.2012г. №761¹. Данное событие следует охарактеризовать положительно, учитывая тот факт, что, несмотря на международные обязательства, взятые на себя Россией в связи с признанием Конвенции о правах ребёнка, в нашей стране Национального плана (или стратегии) действий в интересах ребёнка не было с 2001 года. Более того, начиная с 2011 года в стране даже не было принято какой-либо единой государственной целевой программы, что, конечно, негативно сказывалось не только на качестве политики в интересах детей, но даже на международном имидже страны, признающей и ратифицировавшей Конвенцию о правах ребёнка. В дальнейшем, в соответствии с данной стратегией, Правительством РФ был разработан «План первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы». Указанный план был утверждён Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 октября 2012 года №1916-р².

В течение последних семи лет предпринимались разнообразные попытки разработать Национальный план действий. В 2005 году такая разработка была осуществлена Министерством здравоохранения и социального развития РФ (Минздравсоцразвития России), однако, когда работа перешла в стадию общественного обсуждения, выяснилось, что проект Плана порождает значительное количество вопросов, прежде всего – у представителей профильных организаций гражданского общества. Общественное обсуждение проекта, к сожалению, тогда было фактически прекращено и в дальнейшем не закончилось какими-либо конструктивными последующими шагами органов власти по согласованию положений документа.

Следующей попыткой стала инициатива, предпринятая Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребёнка А.И.Голованем, который был назначен на эту должность в сентябре 2009 года. Однако уже через 3 месяца инициатор ушёл в отставку и вместо него Уполномоченным был назначен П.А.Астахов. В результате данная работа оказалась «на периферии» внимания нового руководителя данного органа и была в течение полугода фактически свёрнута.

Наконец, с третьей попытки, предпринятой в Совете Федерации ФС РФ (под руководством сенатора З.Ф.Драгункиной и активном участии теперь уже её помощника А.И.Голованя) в краткие сроки (март-май 2012 года) группа энтузиастов из профильных социально ориентированных некоммерческих организаций

¹ (Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, №23, ст.2994. См. также: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d3f27d00fa8152b3f1.pdf>.

² Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, №43, ст.5908.

(СО НКО) разработала сначала Концепцию стратегии, а затем и сам текст Национальной Стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы.

II. ТЕКСТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Сейчас, когда близится годовщина с момента принятия названной Стратегии, представляется вполне резонным и разумным сделать небольшой аналитический взгляд на то, как именно реализуется Стратегия, что удаётся сделать, а с чем существуют очевидные трудности. Понятно, что принятие нормативного правового акта федерального уровня требует и более детализированных усилий и действий, адаптированных к широчайшему разнообразию условий, имеющих в современной России.

Ввиду ограниченности имеющихся ресурсов, осуществление глубокого проникновения в региональную государственную политику в интересах детей – в части реализации Национальной Стратегии осуществить невозможно, Вследствие этого обстоятельства, основное внимание будет уделено аналитическому взгляду на тексты принятых в субъектах РФ нормативных правовых актов, имеющие отношение к её реализации.

Прежде всего, следует отметить, что в сети Интернет несложно обнаружить информацию о деятельности регионов по выполнению Стратегии. Для целей осуществления мониторинга её реализации, в рамках деятельности по проведению мониторинга, организацией, занимающейся данным направлением деятельности (Московский городской психолого-педагогический университет – МГППУ) создан сайт: www.мониторингнсид.рф, на котором осуществляется сбор и первичная систематическая обработка основного массива профильной информации. На сайте представлен широкий спектр информации о международных документах и нормах, касающихся различных аспектов прав ребёнка, семейной и детской политики, принятых нормативных правовых актах Российской Федерации, субъектов РФ, а также – о мероприятиях, проводимых в указанных направлениях институтами гражданского общества. В настоящее время на указанном ресурсе собрана информация о примерно 60 субъектах РФ. Основу материалов составляют пока тексты принятых региональных стратегий в интересах детей. В некоторых регионах, по информации автора настоящего анализа (например, в Пермском крае), региональная стратегия вообще не разрабатывалась, однако ответственными за реализацию регионального компонента действий структурами были осуществлены некоторые изменения региональной программы действий в интересах детей, текст которой скорректирован на ближайший период до 2014 года – для обеспечения соответствия деятельности профильных органов власти и других структур целям и задачам Национальной Стратегии.

В различных регионах представлены также следующие документы организационного и нормативно-правового характера:

- решения о формировании региональных координационных советов, которым поручено содействие в реализации соответствующих региональных стратегий;

- планы и программы мероприятий на ближайшие два года (2013-2014) по их реализации;
- промежуточные отчёты о реализации стратегии*;
- иные информационные материалы.

В качестве основного объекта анализа были взяты тексты некоторых региональных стратегий: Республика Адыгея, Амурская область, Астраханская область, Республика Бурятия, Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Нижегородская область, Пермский край, Республика Удмуртия. Данная выборка (примерно 12% от общего количества субъектов РФ и примерно 20% от всего массива разработок) позволит составить общее представление о существе и качестве региональных актов – на предмет последующей их реализации, и о перспективах таким образом успешности реализации региональных компонентов Национальной стратегии, а, следовательно, и всей Национальной стратегии в целом. Для анализа использованы также некоторые другие нормативные акты (планы мероприятий региональных органов власти – например, Нижегородской области, Республики Марий Эл).

Не останавливаясь детально на тексте материалов каждого из перечисленных регионов, постараемся отметить основные замечания общего характера, которые относятся, зачастую, сразу к нескольким текстам. При этом, одновременно с текстом имеющихся замечаний, при необходимости будут предлагаться и возможные меры и действия, которые желательны для улучшения качества реализации региональных стратегий и успешности выполнения соответствующих им планов мероприятий.

1. Как правило, провозглашается участие институтов гражданского общества, социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) в различных аспектах реализации региональной стратегии. Например, во Владимирской области, в разделе 2 «Ключевые принципы реализации Стратегии» (стр.5.) записано:

«Партнерство во имя ребенка. В регионе политика в сфере детства должна опираться на технологии социального партнерства, общественно-профессиональную экспертизу, реализовываться с участием бизнес-сообщества, посредством привлечения общественных организаций и международных партнеров к решению актуальных проблем, связанных с обеспечением и защитой прав и интересов детей. Необходимо принимать меры, направленные на формирование открытого рынка социальных услуг, создание системы общественного контроля в сфере обеспечения и защиты прав детей.»

Однако далее в тексте стратегии практически ничего не говорится о конкретике участия СО НКО. Как будет формироваться открытый рынок социальных услуг, остаётся неизвестным. Учитывая нынешнюю, практически полную

* На момент составления аналитического материала – такого рода промежуточный отчёт был только от Ивановской области – прим. авт.

монополию государственных (муниципальных) учреждений на оказание социально значимых услуг и слабую нормативно-правовую базу для обеспечения равенства правовых и налоговых условий деятельности государственных и негосударственных структур, реализация декларируемой позиции представляется слабо осмысленной. С практикой осуществления общественного контроля, на наш взгляд, дело обстоит вряд ли лучше, поскольку нормативно-правовое и процедурное оформление такого контроля в нашей стране по существу крайне скудно, а непрозрачные условия разработки, принятия и реализации социально значимых решений оставляют очень мало возможностей для осуществления полноценного общественного контроля.

В механизмах реализации Стратегии фигурирует создание альтернативных докладов, которые будут готовиться **«представителями общественности и экспертного сообщества при участии детей»**. Очевидно, что формула взята из текста федеральной стратегии, поскольку встречается многократно (помимо Владимирской области это есть в стратегиях Астраханской, Волгоградской, Вологодской областей, Республики Бурятия и в ряде других). Однако каким образом это будет происходить, совершенно непонятно, поскольку данная фраза, включённая в механизм реализации стратегии, не проясняет ситуации с конкретными процедурами, позволяющими готовить альтернативные доклады, представлять их на общественное ознакомление и обсуждение, учитывать содержащиеся в них замечания и предложения, не говоря уж об отсутствии каких-либо процедур участия детей в таких действиях.

В этой связи представляется плодотворным механизм, предполагающий активное вовлечение СО НКО в деятельность по реализации региональных стратегий – через уже существующие институциональные формы.

Таковыми формами, создаваемыми в значительной степени для осуществления общественного контроля, являются, например, региональные общественные палаты или общественные советы при органах государственной власти и органах местного самоуправления. Вовлечение указанных организационных форм в деятельное участие в контроле за реализацией региональной стратегии и в выдвижении инициатив без сомнения позволит заметно расширить круг структур, участвующих в решении государственно значимой задачи – формирования и реализации политики в интересах детей.

Помимо деятельности общественных палат и советов, включение институтов гражданского общества возможно и на основе их деятельного участия в разработке и внедрении (либо, в случаях, когда такой подход уже внедрён – расширении сферы применения) инновационных решений, механизмов и процедур по их распространению и укоренению в социальных практиках и региональной политике, или в осуществлении социально значимых услуг по профилю своей деятельности. Прежде всего, речь идёт о возможностях поддержки гражданских инициатив в виде механизмов **выдачи субсидий или грантов на конкурсной основе** или о предоставлении, опять же, на основе конкурса, заказа на оказание требуемых социальных услуг конкретным категориям нуждающихся в таких услугах на более долгосрочной и устойчивой основе – на выполнение **социаль-**

ного заказа. И в том и в другом случае должен использоваться социально-проектный подход. В противном случае, в особенности, при реализации механизма социального заказа, велика вероятность увлечения количественными показателями «оказанных услуг», в ущерб ключевой задаче социально ориентированной деятельности – нацеленности на снижение нуждаемости конкретного благополучателя (потребителя услуги) или целевой группы в оказываемой услуге, на обретение ими (благополучателем или целевой группой) самостоятельности и автономии.

Помимо названных процедур и механизмов, очень важным является и оперативный обмен информацией с представителями заинтересованных структур (органы государственной власти, уполномоченные по правам человека и по правам ребёнка, специалисты профильных областей социальной политики, активисты СО НКО) в различных регионах страны. Представляется крайне актуальной задача выстраивания сетевого партнёрства (возможно, проектно оформленного) профильных организаций гражданского общества для осуществления взаимодействия и текущего мониторинга на местах процессов реализации Национальной Стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы. По нашей информации существуют инициативы, направленные на формирование таких общественных сетевых структур.

2. Подчас, несмотря на необходимость осуществления управления реализацией стратегии, в регионе не создаётся никакой организационной структуры, вследствие чего непонятно, как именно будет координироваться процесс выполнения стратегии. Такова ситуация в Амурской области. В большинстве случаев речь идёт о создании специализированного координирующего органа при руководителе региона. Однако нередки ситуации, когда данные функции поручаются уже существующим органам межведомственного характера (например, во Владимирской области это – областной Координационный совет по вопросам семьи, детей и демографии, в Вологодской области – также областной Координационный совет по охране семьи, материнства, отцовства и детства, в Рязанской области – межведомственная комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Правительстве) или правительственным (в Республике Адыгея – Министерство образования и науки, в Нижегородской области – Министерство социальной политики).

В большинстве случаев состав таких координационных советов, в подавляющем большинстве случаев, представляет собою сочетание занимающих различные государственные посты чиновников, что, разумеется, представляется не эффективным, поскольку тогда региональная стратегия становится слабо реализуемой декларацией, скорее, имитацией деятельности под руководством ещё одного, сугубо бюрократического органа. Впрочем, есть и исключения. Например, Координационный совет Пермского края почти на треть состоит из представителей региональных общественных объединений и иных некоммерческих организаций.

3. Ситуация в регионах характеризуется, как правило, совокупностью предпринимаемых органами власти действий, что, собственно, не требуется для

адекватного её понимания. Значительно важнее отражение имеющегося положения и существующей динамики описываемых проблем – с тем, чтобы в дальнейшем выходить на ожидаемые показатели изменения тенденций (если они негативны) или укрепления и развития успеха (если позитивны). Однако при этом не следует закладывать ту или иную динамику показателей в качестве показателей качества деятельности органов власти или учреждений. Необходима система мониторинга, оперирующая в основном количественными показателями, категорически отделённая от системы, устанавливающей качество осуществляемой деятельности и логическую взаимосвязь между деятельностью и результатами.

В этой связи необходимо указать на единственный (из попавших в рассмотрение) регион, в котором указано на необходимость осуществления **аудита эффективности**³ деятельности по реализации регионального компонента Стратегии – это Удмуртская Республика:

«На основе постоянного мониторинга реализации Региональной стратегии предусматривается проводить корректировку управленческих решений. Контроль за эффективностью использования финансовых и иных ресурсов должны осуществлять Государственный контрольный комитет Удмуртской Республики и контрольно-счетные органы муниципальных образований с привлечением общественности. В качестве инструмента финансового контроля следует использовать **аудит эффективности**, предполагающий независимую оценку экономической эффективности и результативности проводимых мероприятий, их соответствия поставленным целям.»

Ещё один очень важный инструмент, упомянутый в стратегии Удмуртской Республики, позволяющий контролировать выполнение стратегии – контроль структуры бюджета, распределяемого «в интересах детей»:

«Для достижения поставленных в Региональной стратегии целей следует ежегодно формировать бюджет Удмуртской Республики в интересах детей».

4. В представлении имеющихся статистических данных в разрезе регионов нет никакого единообразия: в результате крайне усложняется работа по взаимовязыванию имеющихся сведений. Крайне желательны действия по гармонизации информационных массивов и приведения их к единой статистико-методологической основе. Это позволит решить задачу интегрирования статистически значимой информации. Скорее всего, данная ситуация может быть отнесена к недоработкам на федеральном уровне, поскольку ни в тексте Стратегии, ни в плане первоочередных мероприятий не устанавливаются какие-либо ясные требования к единообразию представляемой информации статистического характера.

³ Стандарт аудита эффективности принят Счётной Палатой Российской Федерации в 2009 году: <http://www.ach.gov.ru/ru/revision/material/?id=896>, однако до настоящего времени применяется достаточно редко, в особенности в практике регионального управления. В то же время это – один из наиболее важных инструментов контроля эффективности деятельности органов власти, в особенности, если создаётся система, предусматривающая возможность осуществления независимой внешней оценки.

Работа по приведению к единому виду статистически значимой информации, совокупности, структуре и порядку сбора, обработки и анализа данных могла бы стать значимой и ценной частью деятельности по управлению реализацией Стратегии в ближайшем будущем.

5. Судя по проанализированным текстам, координация действий по реализации Национальной Стратегии находится на очень невысоком уровне либо вообще не предусматривается. Вместе с тем, для достижения более высокого уровня эффективности стратегии в стране в целом такая координация крайне желательна. Межрегиональная гармонизация действий необходима и на уровне планов мероприятий и даже отдельных мер по реализации региональных стратегий. В качестве административно-управленческого инструмента такой межрегиональной гармонизации и координации действий вполне правомерно было бы использование созданного ещё в 2000 году института полномочных представителей Президента РФ в федеральных кругах, а также федеральных инспекторов в субъектах РФ.

6. В текстах региональных стратегий (как и в тексте Национальной Стратегии) время от времени возникает тема мониторинга и исследований. Однако данная тема не фигурирует в качестве сквозной, системно применяемой, необходимой для всего спектра проблемных областей Стратегии. Постановка задачи выстраивания комплексного мониторинга процессов реализации Стратегии, а также организация и проведение системных социологических исследований представляется необходимой. Помимо исследований, требуется и создание системы мониторинга и оценки – при желательности ежегодного контроля апробации и внедрения процедур и инноваций, предлагаемых в Стратегии, а также выстраивание их единообразной системы.

Отсутствие такого контроля прослеживается на основе некоторых положений в текстах стратегий тех регионов, откуда имелась возможность получения более достоверной фактической информации.

Например, стратегия Волгоградской области предусматривает (пункт 2 «меры, направленные на создание дружественного к ребенку правосудия» раздела 6 «Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия») следующее:

«организация школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении».

Стоило бы несомненно порадоваться присутствию в тексте этой позиции. Однако хорошо известно, что такие службы уже были созданы в данном субъекте Российской Федерации более 6 лет назад – силами одной социально ориентированной НКО. Более того, в настоящее время уже около сотни школьных служб примирения успешно действуют в регионе. При этом неправительственная организация «Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребёнка» осуществляет регулярный мониторинг не только деятельности школьных служб примирения, но и динамики межэтнической напряжённости в школах, с которыми сотрудничает, что, по

сути, является высоко значимой функцией государственных органов. В связи со сказанным выше, возникает вопрос о том, в курсе ли региональных реалий создатели текста стратегии Волгоградской области? Если нет, то возникает заметный риск «задавить» уже имеющуюся и устойчиво развивающуюся общественную инициативу неуклюжими вертикально-административными усилиями. Очевидно, что в таком случае будет потерян невероятно ценный опыт общественного участия в реализации государственной политики в интересах детей.

7. Наряду с этим и исходя из результатов анализа текстов, можно сделать вывод о весьма невысоком уровне социально-проектной культуры в управленческой деятельности регионов. Сформулированные задачи, как правило, таковыми не являются, а представляют собою набор разрозненных мероприятий, краткое описание текущей деятельности органов публичной власти и бюджетных организаций, перечисление используемых методов деятельности и даже просто декларативные пожелания – без какой-либо серьёзной деятельностной их проработки).

В качестве примера стоит привести всего несколько позиций из стратегии Астраханской области (**раздел VI. Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия**, пункт 2 «Основные задачи»):

«Развитие законодательных основ системы защиты детства, введение в действие существующих международных стандартов обеспечения и защиты прав и интересов детей.

Создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений самих детей, системы правосудия и системы исполнения наказаний, дружественных к ребенку.

Реформирование комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Принятие на законодательном уровне мер по защите детей от информации, угрожающей их благополучию, безопасности и развитию.

Создание системы предотвращения насилия в отношении несовершеннолетних, а также организация деятельности учреждений, специалистов, волонтеров по социально-психологической реабилитации детей - жертв насилия и оказанию помощи правоохранительным органам при расследовании преступных посягательств в отношении детей».

Все перечисленные позиции не могут быть охарактеризованы в качестве задач для данного пункта стратегии, поскольку содержательно являются декларациями, из которых не следует понимания авторами того, что именно следует делать (декларативность заложена в используемых терминах: «развитие», «создание эффективной системы», «реформирование», которые не имеют никакого содержательного наполнения).

III. СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Помимо текстов стратегий, были проанализированы также и другие материалы. Например, несомненный исследовательский интерес, в том числе и в рамках проведения настоящего анализа, вызывает Приказ Федеральной государственной службы статистики (Росстат России) от 28 декабря 2012 года №662 «Об утверждении системы индикаторов для мониторинга эффективности мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы».

Анализ данного материала позволяет сделать некоторые выводы о том, насколько детально, скрупулёзно данное ведомство подошло к формулированию ряда направлений реализации Стратегии. И, в то же время, насколько Росстату России удалось обеспечить полноту охвата всего спектра направлений Стратегии и методологическую формализацию получаемых данных – по тем отраслям деятельности и направления работы, которые с уверенностью можно назвать для страны инновационными, нуждающимися в скрупулёзном изучении и выработке норм, критериев и стандартов фиксации, учёта и инкорпорации новых массивов информации в уже существующие статистические базы и банки данных.

Однако, представляется, что отдельные направления сформулированы без должного учёта значимых элементов, а некоторые разделы не охвачены данной системой индикаторов вовсе. Например, раздел VI «Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия» (а также соответствующий ему содержательно раздел V Плана первоочередных мероприятий) содержит индикаторы, которые являются, скорее, традиционными для направления, связанного с работой с детьми, оказавшимися жертвами преступлений или в конфликте с законом. Но эти индикаторы никак не учитывают таких аспектов раздела, как, например, (пункт 61 Плана) **«Внедрение новых технологий и методов работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в том числе повторных, обеспечению досудебного и судебного сопровождения несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, а также несовершеннолетних, отбывающих или отбывших наказание в местах лишения и ограничения свободы»**, поскольку в перечне индикаторов вообще не рассматриваются вопросы повторности совершаемых противоправных деяний. Ничто не указывает и на готовность государственной системы статистики к фиксации процедур, заложенных в пункт 62 Плана **«Развитие сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия»**. При этом по пунктам 61 и 62 должен быть подготовлены доклады в Правительство РФ, соответственно в августе и в сентябре текущего года. В отсутствие таких индикаторов регионам, даже при всём желании, отчитаться за проделанную работу будет очень сложно. В системе для данного раздела плана отсутствуют и индикаторы, которые бы свидетельствовали о мере эффективности работы с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом. Таковыми, по всей видимости, можно было бы считать показатели доли правонарушений или преступлений, совершаемых несовершеннолетними повторно.

Аналогично обстоит дело и с индикацией выполнения пункта 64 Плана **«Организация служб школьной медиации в образовательных учреждениях»***. И, в то же время, автору анализа хорошо известно о значительной работе, осуществляемой сообществом энтузиастов и специалистов в этой области – не только по продвижению данной ювенальной технологии, но и по исследованию и мониторингу деятельности школьных и муниципальных служб примирения в целом ряде регионов страны⁴.

Замечания к индикаторам по данному разделу, тем не менее, свидетельствуют, что намеченная на 2013 год и далее работа может стать основанием для более точных позиций, позволяющих сделать статистический учёт реализации Стратегии опирающимся не только на ранее существовавшие в статистике критерии и индикаторы, но и на отслеживании процессов создания новых социальных технологий, для которых системно встроенных, статистически учитываемых показателей пока нет.

Вместе с тем, есть и позиции, значительно менее раскрытые. Речь идёт о разделах VI («Дети – участники...») и VII Плана («Механизм реализации Национальной стратегии...»). Дело в том, что для данных разделов какие-либо индикаторы в системе государственной статистики отсутствуют вовсе. Данное обстоятельство следует признать неудовлетворительным и требующим исправления в самое ближайшее время. Тем более, что в арсенале специалистов и разработчиков Стратегии из институтов гражданского общества имеется целый ряд индикаторов, касающихся реализации именно указанных разделов Стратегии и, соответственно, Плана. И, как теперь становится всё более очевидным, нынешнему тексту Стратегии не хватает нескольких важных моментов, которые предлагались экспертами из числа представителей гражданского общества, однако не вошли в текст Стратегии.

Так стоит сказать о необходимости формирования мониторинга реализации стратегии и независимой внешней оценки качества её осуществления. Отдельные положения об этом содержатся в нескольких местах текста, однако мо-

* По данному пункту необходимо высказаться особо. В рамках общественных дискуссий ставился вопрос об уместности присутствия данной позиции именно в указанном разделе Стратегии. Однако следует иметь ввиду тот факт, что школа, являясь, в определённой мере, стрессогенным фактором для противоправного поведения несовершеннолетних, время от времени становится территорией возникновения и даже обострения различных конфликтов, порой, весьма острых, имеющих уголовно-правовую перспективу. Во всяком случае, школьные службы примирения с полным основанием можно назвать инструментом профилактики противоправного поведения несовершеннолетних. Значимость данной позиции очевидно присутствует и для по меньшей мере двух других разделов *Стратегии* – раздела III **«Доступность качественного обучения и воспитания, культурное развитие и информационная безопасность детей»** и раздела VII **«Дети – участники реализации Национальной стратегии»**. Возможно, именно в силу в некотором роде «междисциплинарного» характера данной социальной технологии, реализующей восстановительный подход к разрешению конфликтов, эта позиция и заняла своё место в разделе VI Стратегии (прим. авт. – Н.Х.).

⁴ В этом направлении в течение ряда лет активно работает Общественный центр «Судебно-правовая реформа» (www.sprc.ru) и ряд других СО НКО.

ниторинг и оценка как системный и обязательно применяемый инструмент, позволяющий осуществлять контроль качества реализации Стратегии, к сожалению, не используется.

Отсутствует и совокупность процедур и механизмов, регламентирующих более активное, непосредственное участие в реализации Стратегии институтов гражданского общества – на этапах создания инновационных разработок, осуществления текущей деятельности по реализации Стратегии и общественному контролю за её выполнением. Важным представляется также привлечение ресурсов социально ориентированного бизнеса.

Для проведения данного анализа, помимо представленных на указанном выше сайте материалов, использовалась другая доступная информация. Неоценимую помощь в получении сведений оказывают активисты гражданского общества, представители социально ориентированных НКО, осуществляющие практическую деятельность в целом ряде регионов страны. Очевидно, что формирование единой и единообразно понимаемой основы для получения и изучения информации о формах, методах и процедурах реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы будет, несомненно, способствовать улучшению качества её осуществления. В этом, несомненно, – ключевой интерес – как институтов гражданского общества, так и органов публичной власти России.